

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ ТЕКСТА

Е.А. Немирова

При создании текста главной целью является сообщение информации. Любой текст заключает в себе какую-либо информацию. Общее количество информации, содержащейся в тексте, – это его информационная насыщенность.

Однако ценностью обладает, прежде всего, новая информация, полезная, т. е. прагматическая, именно она является показателем информативности текста. *Информационная насыщенность* текста – абсолютный показатель качества текста, а *информативность* – относительный, поскольку степень информативности сообщения зависит от потенциального читателя. «Информативность текста – это степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [1].

Мера информативных качеств текста может снижаться или возрастать. Так, информативность (с точки зрения прагматики текста) снижается, если информация повторяется, и, наоборот, она повышается, если текст несет максимально новую информацию.

Поскольку текст состоит из высказываний, то при определении его содержательности важным оказывается установление соотношения между высказыванием и ситуацией, отраженной в нем.

Известно, что между ними полного соответствия нет, т. е. поверхностная структура высказывания (количество языковых знаков, присутствующих в нем) и глубинная структура (количество информации, заключенной в нем) не совпадают. Это объясняется асимметричностью языкового знака. Суть этого явления заключается в том, что на уровне означающих (единиц плана выражения) обычно бывает значительно меньше единиц, чем на уровне означаемых (единиц плана содержания), попросту – слов меньше, чем выражаемых смыслов.

Несоответствие между означаемым и означающим может быть большим или меньшим, и именно это ставит вопрос о семантической экономии или избыточности. «Семантическая экономия наблюдается тогда, когда в поверхностной структуре высказываний нет прямого указания на какой-либо (или какие-либо) элемент глубинной структуры» [4, с. 77].

С другой стороны, семантическая избыточность усматривается в том случае, если «в поверхностной структуре имеется несколько элементов, представляющих один и тот же элемент глубинной структуры» [там же]. Таким образом, при семантической экономии какие-то элементы смысла могут быть представлены имплицитно.

Данное качество высказывания на уровне текста создает условия для

повышения его информационной насыщенности при минимальной затрате речевых средств.

Как нам представляется избыточные элементы поверхностной структуры вовсе не являются лишними или бесполезными. Всякий элемент, не реализующий свою семантическую функцию, приобретает вторичную: формальную или стилистическую. Элемент, избыточный в плане семантики, становится необходимым в плане структуры предложения или стилистики.

Эта разница между эксплицитной формой выражения ситуации – высказыванием – и самой ситуацией во всей её полноте становится особенно очевидной на уровне межъязыкового общения.

Ярким примером того, что не все то, что содержится в глубинной структуре находит свое отражение в поверхностной являются фразы с глаголами восприятия, говорения, умственной деятельности, поскольку «человек может говорить и писать только о том, что допустимо восприятию либо его собственному, либо описываемому им персонажа, либо каких-то людей вообще» [3].

Возьмем в качестве примера следующую фразу (все примеры взяты из художественных произведений и их опубликованных переводов):

Доносился лишь его далекий отзвук, да треск ветвей, да скрип стволов (Павленко, Рассказы советских писателей). – *Nous n'entendions que son lointain écho, avec le claquement des branches et le grincement des troncs.*

Во французском переводе представлен субъект при глаголе восприятия *nous entendions* (буквально – *мы слышали*), отсутствующий в оригинале. Это различие проявляется лишь на уровне поверхностной структуры. На уровне же глубинной эти две фразы полностью идентичны, так как они описывают слуховое восприятие. Введение дополнительного актанта, который отражает участника событий, характерно для французского языка. Так же как и вполне объяснимо отсутствие его аналога в русском: человек не мог бы описать эти слуховые впечатления, не слыша их.

Таким образом, компактность изложения создается нулевым представлением субъекта действия, состояния, а также нулевым представлением самого действия или состояния (отсутствием глаголов зрительного, слухового восприятия, глаголов мысли, чувства)

Отсутствие повторной номинации также способствует большей концентрации смысла сообщения.

Il s'accroupit et les ramassa, toujours pleurant (Mauriac, Thérèse Desqueyroux) – *Мальчик* с громкими всхлипываниями подобрал их, ползая по полу.

Французский язык в данном случае употребляет местоимение (*il*), которое является гиперонимом (содержит только одну архисему – пол), тогда как русский язык использует гипоним – *мальчик*, где к архисеме (пол) прибавляется сема возраста.

Более компактными, чем сложные, оказываются предложения со вторичными предикатами:

В это время в колоннаду стремительно *влетела* ласточка (Булгаков, Мастер и Маргарита) – *A ce moment, entra, en coup de vent sous le péristyle une hirondelle.*

Обратим внимание на один аспект ситуации – «способность передвигаться по воздуху» (а). В первом предложении (на русском языке) этот аспект выражен дважды: *влетела ласточка*. Диспозициональный предикат субъекта (обычный способ передвижения птицы, а ласточка – это птица, – это полет – повторен в корневой морфеме *влетать*. Во втором предложении (во французском варианте) отсутствует согласование по аспекту (а), что позволяет употребить более простой и отвлеченный глагол *entrer* (попадать внутрь). То же самое явление можно наблюдать и при переводе с французского языка на русский:

Des oranges qui bordent un champ (Saint-Exupéry, *La terre des hommes*) – Апельсиновые деревья, которые *растут по краю поля*.

Повторение диспозиционального предиката субъекта в русском языке делает русскую фразу более избыточной, по сравнению с русской, где глагол *расти* заменен на более общий глагол *border* (окаймлять).

Все эти способы применимы в разных видах текста, поскольку связаны со свойствами самого языка, в частности с дуализмом языкового знака, т.е. речь идет о процессах языковой компрессии информации.

Информационная компрессия – это сжатие плана означающего при сохранении плана означаемого [2, с. 125]. Для определения предела сжатия существует понятие текстовой нормы. В разных текстах она будет разной, однако есть и общий показатель у этой нормы: речевая единица не должна утрачивать своего коммуникативного смысла.

Вопрос о текстовой норме особенно жестко стоит в деловой и справочной литературе, во вторичной научной литературе (реферат, аннотация, тезисы). Существует ряд мотивов, которые обуславливают компрессию информации, в частности требования языковой прагматики, требования эстетические и требования жанра, требования стилистические, а так же грамматические особенности того или иного языка (если речь идет о межъязыковом общении).

Как правило, наиболее естественным при создании текста оказывается стремление сократить словесную представленность смысловых компонентов. Поэтому, например, сжатие двух-трех сообщений в одно простое предложение с сохранением объема информации, например сложного предложения, – это закономерное явление, особенно свойственное художественному тексту. В таком случае, на уровне означаемого будет логически развернутая структура, а на уровне означающего – свернутая. Так и создается почва для имплицитности и эксплицитности в способах передачи информации. По этому, одну и ту же информацию можно дать в избыточном

словесном варианте, развернуто, и более сжато, в логически свернутом варианте. Следовательно, информационная компрессия – это один из способов повышения информативности вербальных средств выражения (речевых единиц).

Таким образом, текст, как правило, являет собой несоответствие объема информации, заложенного в нем, и объема информации, выраженного вербальными средствами. Причины такого несоответствия могут быть объективными, поскольку связаны с закономерностями построения текста, с асимметричностью языкового знака.

Библиографический список

1. Бабайлова, А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку / А.Э. Бабайлова. – Изд-во Саратовского университета, 1987. – С. 60.
2. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – С. 114–130.
3. Гак, В.Г. Язык Пушкина и французский язык / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 87.
4. Гизатулин, С.Л. Семантическая экономия и избыточность в речи / С.Л. Гизатулин // Филол. науки. – 2001. – № 2. – С. 75–84.